

Теобалдс-роуд

Он шел белыми коридорами, мимо щитов с приклеенными объявлениями о сдаче внаем недорогого жилья и продаже старых автомобилей, мимо любителей кофе, сидевших за столиками, мимо отверстия в белом полу, над которым застыл колченогий стул, охраняя открытый люк, где возился некто с фонариком. У выхода он взглянул на часы:

вт 28

3:33

Спускаясь по ступеням, он помедлил и с улыбкой задержал взгляд на этих цифрах. Три-три-три. Хорошая примета. Сегодня все сойдется, сегодня все сложится.

Дневной свет казался ослепительно ярким даже в сравнении с побеленными стенами и прессованной мраморной крошкой коридоров. Воздух был теплым, слегка влажным, но без духоты. В такую погоду приятно прогуляться пешком. Это тоже радовало, потому что ему вовсе не улыбалось прийти к ней вспотевшим и растрепанным, особенно в такой день, особенно в преддверии этой встречи, сулившей вполне определенную удачу, которая забрезжила в конце пути.

Грэм Парк ступил на широкий серый тротуар перед зданием колледжа и, пропустив поток машин, перебежал на северную сторону Теобалдс-роуд. Поравнявшись

с пабом «Белый олень», он пошел дальше прогулочным шагом, помахивая большой черной папкой, которую пришлось нести за единственную уцелевшую ручку. В папке лежали *ее* портреты.

Он посмотрел на небо, простиравшееся над жилыми домами, над громоздкими башнями офисных зданий, и с улыбкой отметил, как причудливо разграфили синеву закопченные городские крыши.

Сегодня все виделось ярче, свежее, отчетливее, будто его обычные, ничем не примечательные жизненные обстоятельства уподобились спектаклю, где актеры сперва запутались в тонком занавесе и не смогли предстать перед публикой, но вот теперь с торжествующим видом выбежали на авансцену и, разведя руки в стороны, запели: «Та-ра-рааа!» Он почти смутился от такого юношеского прилива чувств; это ощущение восторга нужно было лелеять, прятать от посторонних глаз, а если анализировать, то с осторожностью. Достаточно было просто знать о том, что оно есть; сама тривиальность такого блаженства как-то ободряла. Пусть даже многим другим довелось испытать нечто подобное; пусть многие другие испытывают нечто подобное прямо в эту минуту — все равно их переживания будут совсем не такими, никогда не повторят твоих полностью. *Отдайся чувствам*, сказал он себе. *Что в этом плохого?*

У ближайшей многоэтажки застыл, прислонясь спиной к серо-красной кирпичной стене, оборванный, грязный бродяга. Невзирая на жару, он вырядился в зимнее пальто болотного цвета; из одного башмака торчал босой палец. В руках старик держал две большие коробки свежих шампиньонов. От вида бедности в сочетании со странностями Грэму всякий раз делалось не по себе.

Да, много в Лондоне странных личностей. На каждом шагу попадаются нищие и убогие, этакие разлетающиеся осколки гранаты, ходячие язвы общества. При встрече с такими субъектами он содрогался от неприязни и

страха, хотя от них не исходило никакой угрозы — им самим в пору было бояться каждого встречного. Однако сегодня все смотрелось по-иному; сегодня старик в зимнем пальто, часто моргающий, с землистым лицом, обхвативший потными руками две килограммовые упаковки грибов, выглядел занятно, и не более того — готовый сюжет для будущего рисунка. Дальше по улице, возле почты, топтался высокий, прилично одетый чернокожий парень, который вполголоса разговаривал сам с собой. Он тоже оказался совсем не страшным. Грэм подумал, что, наверно, так и остался провинциалом, хотя упорно с этим боролся. Он всегда напускал на себя столичный скепсис, да, видно, перестарался; потому и шарахался в ужасе от всего, что приоткрывал ему большой город. Только теперь, предчувствуя новые силы, которые могла бы ему дать *она*, он позволил себе роскошь внимательно взглянуть в себя (а ведь в городе требовалось все время носить защитную броню, просчитывать каждый шаг).

Раз и навсегда выбрав для себя маску осторожного циника, он теперь понял, что при всей непробиваемости такой защиты — а результаты ее были налицо: как никак, студент второго курса и, вопреки опасениям матушки, учится неплохо; деньги не промотаны; на нож не нарывался; сердце свободно, — при всей неоспоримой надежности такой обороны, за все приходит расплата, и расплатой стало отчуждение, непонимание. С чего он взял, что тот чернокожий парень — псих? Мало ли у кого бывает привычка разговаривать с самим собой. С чего он взял, что старик в рваных башмаках — нищий, без пенса за душой, и грибы у него ворованные? Может, просто не повезло бедняге: вышел в обеденный перерыв купить грибов, а башмаки возьми да и лопни. Грэм смотрел на ревуший поток машин и поверх него — на ограду густо увитой плющом Грейз-Инн, видневшейся справа. Этот день, этот путь запомнятся ему навсегда.

Даже если она не... даже если его мечты, его надежды не... Нет, все сбудется. У него было твердое предчувствие.

— Ты эти мысли брось, Парк: зуб даю, какая-нибудь грязюшка.

Резко обернувшись, он увидел Слейтера, который сбегал по ступеням библиотеки Холборна: на нем были джинсы в полторы штанины, блестящая черная туфля на одной ноге и высокий ботинок на другой; джинсы он подогнал соответствующим образом, чтобы одна штанина, как положено, опускалась простроченным краем на черную туфлю, а вторая заканчивалась бахромой на уровне колена. Вдобавок Слейтер облачился в потертый жокейский камзол с черной сорочкой и нацепил галстук-бабочку, тоже черный, но при этом густо усеянный мелкими пурпурными стекляшками. Маскарад довершала кепка из красной шотландки. Грэм в голос расхохотался. Слейтер смерил его взглядом, полным напускного презрения:

— Не вижу причин для такого бурного веселья.

— Что за вид? Выглядишь как...— Грэм жестом обвел джинсы и обувь Слейтера, а глазами указал на кепку.

— Выгляжу как баловень судьбы,— перебил Слейтер, взяв Грэма под локоть и увлекая его вперед,— который на барахолке в Кэмдене откопал настоящие летчицкие ботинки.

— И чикнул ножиком,— подхватил Грэм, разглядывая ноги Слейтера и одновременно высвобождая локоть.

Слейтер ухмыльнулся и сунул руки в карманы обезображенных джинсов.

— Вы обнаружили постыдное невежество, молодой человек. Если бы вы пригляделись повнимательнее или пораскинули мозгами, то могли бы сообразить, что на мне авиаторские ботинки особого фасона, которые с помощью пары молний превращаются в шикарные туф-

ли, коим в сороковые годы не было цены. Смысл-то вот в чем: если отважного аса сбивали в тылу врага, ему достаточно было расстегнуть молнии на щиколотках, чтобы остаться в цивильных туфлях, сойти за местного и обмануть злобных эсэсовцев в узких черных мундирах. А я всего лишь приспособил...

— Совершенно идиотский вид,— не дал ему договорить Грэм.

— Слышу брюзжание сексуального большинства,— парировал Слейтер.

Теперь они шли еле-еле; Слейтер не выносил суеты. Грэм почти притерпелся к этой привычке и знал, что поторапливать Слейтера бессмысленно. Поскольку времени у него было с запасом, оставалось только получать удовольствие от неспешной прогулки.

— Даже не понимаю, чем ты так меня возбуждаешь,— сказал Слейтер, но, взглядевшись в лицо приятеля, с обидой спросил: — Парк, ты меня слушаешь или нет?

Грэм сокрушенно покачал головой, едва заметно улыбнулся, но вслух ответил:

— Конечно слушаю. И кончай паясничать.

— Ах, боже мой, прошу прощения,— театрально расшаркался Слейтер, прижимая руку к груди.— Наш чувствительный гетеросексуал обиделся. Он, наверно, еще и малолетка. О, я этого не перенесу!

— Может, хватит придуриваться, Ричард? — сказал Грэм и остановился, чтобы посмотреть приятелю в глаза.— Мне иногда кажется, что ты никакой не гей. Ну ладно.— Он снова двинулся вперед, делая попытку хоть немного ускорить шаг.— Рассказывай, чем занимался. Что-то тебя в последние дни не видно.

— Ага, решил сменить тему,— усмехнулся Слейтер, глядя прямо перед собой. Он скривился и почесал голову там, где из-под клетчатой кепки выбились корот-

кие завитки черных волос. На тонком бледном лице дрогнули мускулы.— Как тебе сказать... Не хотелось бы заострять внимание на сомнительных подробностях... на изнанке жизни, но если перейти к делам более целомудренным, хотя и более печальным,— я целую неделю занимался тем, что пытался соблазнить милашку Диксона. Да ты его знаешь: у него божественные плечи.

— Что? — брезгливо поморщился Грэм.— Этот, с первого курса? Дылда с крашеными волосами? У него же мозгов нет.

— Ты так считаешь? — протянул Слейтер, описывая головой дугу, что могло быть истолковано и как согласие, и как отрицание,— Ну, не в мозгах счастье. Но эти плечи, боже мой! А талия, бедра! Его мозги меня не волнуют — зато от шеи и ниже ему нет равных.

— Совсем спятил,— отрезал Грэм.

— Беда вот в чем,— как ни в чем не бывало продолжал Слейтер,— то ли он не понимает, к чему я клоню, то ли не хочет понимать. К тому же возле него постоянно крутится этот противный Клод, его дружок... Сколько раз я этому типу говорил открытым текстом: ты урод, но до него не доходит. Вот у кого на самом деле мозгов нет. Я тут поинтересовался, как ему нравится Магритт, так он решил, что это телка с первого курса. Никак не удается оттереть его от Роджера. Я не переживу, если он гей. В том смысле, что он у Роджера был первым. Роджер сам по себе не так уж и глуп — это от его дружка распространяется зараза.

— Ха-ха,— сказал Грэм. Ему всегда было неловко выслушивать гомосексуалистские излияния Слейтера, хотя тот редко называл вещи своими именами, да и Грэма эти пристрастия никак не касались. Насколько он мог судить, за все время ему на глаза попался лишь один (как предполагалось — из многих) возлюбленный его приятеля.

— Сейчас я тебе кое-что расскажу,— внезапно оживился Слейтер, когда они переходили Джон-стрит.— У меня блестящая идея.

Грэм едва не заскрипел зубами:

— Какая же на этот раз? Создать очередную религию? Или огрести кучу денег? Или и то и другое?

— Идея литературная.

— «Пески любви». Знаю, слышал.

— А что, классный был сюжет. Нет, теперь никакой романтики.— Они остановились на углу Грейз-Инн-роуд в ожидании зеленого света. На другой стороне точно так же остановились у светофора двое панков; они показывали пальцами на Слейтера и покатывались со смеху. Грэм воздел глаза к небу и тяжело вздохнул.

— Так вот, представь, насколько позволит твоё воображение,— заговорил Слейтер, театрально разводя руками,— что перед нами некая...

— Короче,— перебил Грэм.

Слейтер сделал обиженное лицо.

— Так вот: загнивающая технократическая империя, этакая Византия будущего, и там, в столице...

— Может, хватит научной фантастики?

— Ты ничего не понял, дурила,— не сдавался Слейтер.— Это... такая притча. А захочу — сделаю из нее детскую сказку. Ну, слушай дальше. В столице этой империи некий важный сановник крутит шашни с дочерью императора. И принцесса, и ее папаша-император тянут из него жилы, и в конце концов он отдает тайный приказ изготовить андроида, который мог бы подменять его на бесконечных церемониях и скучных приемах. Окружающие *ни о чем* не догадываются. Через какое-то время сей государственный муж добавляет андроиду чуток мозгов, чтобы можно было отправлять его на охоту, на конфиденциальные встречи, а также на заседания кабинета министров с участием самого императора,— и все это ради того, чтобы еще дольше нежиться

в объятиях принцессы. В один прекрасный день, не выдержав накала любовной страсти, сановник умирает. Все его обязанности переходят к андроиду; император приближает его к себе, а принцесса обнаруживает, что в альковном искусстве он намного превосходит покойного хозяина. Андроид всюду поспевает, потому что не тратит времени на сон. Но у него начинает зарождаться совесть, и он во всем признается императору. Император с улыбкой выслушивает его исповедь, а потом открывает у себя на груди небольшой дисплей и произносит: «По странному стечению обстоятельств...» Конец цитаты. Неплохо, да? Как ты считаешь?

Грэм глубоко вздохнул и после некоторого раздумья изрек с самым серьезным видом:

— Значит, этим летчикам ничего не стоило обкорнать свои ботинки. А как же военная форма?

Слейтер остановился в гневной растерянности и с досадой переспросил:

— Ты о чем?

Тут Грэм заметил — и у него сразу засосало под ложечкой, — что они стоят прямо напротив того места, которое всегда внушало ему тревогу.

Это была просто-напросто багетная мастерская, где вдобавок продавались офорты, постеры и абажуры качеством несколько выше среднего, но ее название — «Стокс» — вызывало у Грэма неприятные ассоциации. От этого названия его пробирал озноб.

Сток — такую фамилию носил его соперник, чья фигура грозной тучей нависала, словно Немезида, над ним и Сэрой. Сток был байкером; этого мачо, затянутого в черную кожу, никогда не удавалось рассмотреть с близкого расстояния. (Грэм как-то заглянул в лондонский телефонный справочник, но там Стоков оказалось целых полтора столбца; в городе с населением в шесть с половиной миллионов возможны любые совпадения.)

Между тем Слейтер продолжал:

— ...с какого боку?

— Да просто к слову пришлось,— ответил Грэм.

Он уже пожалел, что подколот Слейтера.

— Я перед ним распинаяю, а он ушами хлопает,— задохнулся от возмущения Слейтер.

Грэм кивком показал, что надо двигаться дальше:

— Никто ушами не хлопает.

Теперь у них на пути был фруктовый киоск Терри, откуда веяло ароматом свежей клубники, а дальше — аптека. Они дошли до развилки Кларкенуэлл-роуд и Роузбери-авеню. У корпусов Грейз-Инн-Билдингс, тянувшихся вдоль авеню, местами выдавались на тротуар зеленые фанерные щиты, за которыми велись ремонтные работы. Грэм и Слейтер едва протискивались между зеленой фанерой и щербатой кирпичной кладкой. Грэм смотрел на закопченные, битые оконные стекла; легкий ветерок шелестел выцветшими политическими плакатами.

— По-твоему, это бред? — спросил Слейтер, пытаясь на шаг опередить Грэма, чтобы заглянуть ему в глаза.

Грэм избегал его взгляда. Он размышлял, увяжется ли Слейтер за ним или дойдет только до Эйр-Гэллери, куда частенько навещался после обеда. Грэм не собирался скрывать от Слейтера свои чувства к Сэре — в конце концов, именно Слейтер в свое время их познакомил, но сегодня ему не хотелось видеть рядом никого из посторонних. Кроме того, он сгорал со стыда: на Слейтера глазели все прохожие, а тот и в ус не дул. Хоть бы снял эту идиотскую кепку, подумал Грэм.

— Да нет... все нормально,— примирительно ответил он, выбираясь из узкого прохода между обшарпанной стеной и зеленой фанерой.— Но вообще говоря,— его губы тронула улыбка,— тебе не всегда удается попасть в очко.

— А тебе только и удается, что моими фразами шпарить, салага!

— Ладно.— Грэм в упор посмотрел на Слейтера.—
Вернемся к нашим бананам.

— Я тебе что, обезьяна?

— Да ведь это твоя фраза!

— Ну и ну,— протянул Слейтер.— Поразительно. От слова «паразит».

Он остановился у пешеходного перехода через Роуз-бери-авеню, прямо напротив квадратного кирпичного здания Эйр-Гэллери, и повернулся к Грэму:

— Короче, что скажешь насчет моего сюжета?

— Что я могу сказать? — медленно начал Грэм, твердо решив сказать хоть что-нибудь ободряющее.— Замысел неплохой, только надо его слегка подработать.

— Вот как? — Слейтер отступил на шаг назад и выкатил глаза, а потом сделал шаг вперед, сощурился и приблизился почти вплотную к своему младшему приятелю, да так, что тот слегка отпрянул.— «Подработать»? Когда я стану знаменитым, Национальная портретная галерея закажет мой портрет, но тебе этого заказа не видеть как своих ушей.

— Тебе туда? — Грэм указал на противоположную сторону улицы.

После мгновенного замешательства Слейтер все же кивнул, глядя на Эйр-Гэллери:

— Допустим. А ты, я вижу, спешишь от меня избавиться?

— Вовсе нет.

— Так я и поверил! Ты всю дорогу меня подгонял.

— Ничего подобного! — запротестовал Грэм.— Просто ты ходишь нога за ногу.

— Мы же с тобой беседовали.

— Ну и что? Я могу беседовать и на ходу.

— Скажи на милость! Один такой ловкий уже был — Джерри Форд! Да ты не тушуйся; поспорим, я знаю, куда ты направляешься?

— Неужели? — Грэм постарался напустить на себя беспечный вид.

— Точно,— подтвердил Слейтер.— Не притворяйся, будто тебя это не колышет.— По его лицу расплывалась улыбка, словно нефтяное пятно на поверхности воды.— Ты запал на нашу Сэру, правильно я говорю?

— Не то слово,— ответил Грэм, стараясь обратить все в шутку, однако понял, что Слейтер так просто не отстанет.

Но ведь его чувства не сводились к примитивной похоти — а если даже и сводились, то об этом не следовало говорить вслух; во всяком случае, Слейтер выбрал совершенно неподходящее время и место.

— Бабы того не стоят, мой мальчик,— с грустью в голосе произнес Слейтер и умудренно покачал головой.— Она тебя кинет. Не сейчас, так потом. Все они одинаковы.

Когда осуждение было выражено в открытую, Грэму стало легче; оно прозвучало как обыкновенный женоненавистнический выпад гея, возможно даже не вполне искренний, просто очередная маска Слейтера.

Грэм не удержался от смеха.

Слейтер пожал плечами и сказал:

— Ну, если у вас не сладится, знай: ты всегда можешь прийти ко мне.— Он потрепал Грэма по плечу.— Пригрею тебя на груди — у меня это неплохо получается.

— Только с одним условием, старик.— Грэм снова рассмеялся.— Если ты снимешь головной убор.

Слейтер прищурился и поглубже натянул клетчатую кепку.

— Ладно, мне пора,— заторопился Грэм.

— Катись,— вздохнул Слейтер и задумчиво добавил ему вдогонку: — Поступай как хочешь, я тебе не указ, но дядюшка Ричард знает, что говорит.

Он ухмыльнулся, послал Грэму воздушный поцелуй, помахал рукой и, пропустив транспорт, ступил на мо-

стовую. Грэм помахал ему в ответ и пошел своей дорогой.

— Грэм! — услышал он вопль Слейтера с другой стороны улицы и с тяжелым вздохом обернулся.

Слейтер стоял у входа в галерею, перед большой витриной. Он засунул одну руку в карман куртки, и его галстук-бабочка вспыхнул яркими огнями: красные стекляшки оказались лампочками. Слейтер разразился хохотом, а Грэм покачал головой и двинулся дальше по Роузбери-авеню.

— Вспышка страсти! — заорал издалека Слейтер.

Грэм про себя посмеялся, но тут ему пришлось замедлить шаг, потому что прямо перед ним патлатый байкер в засаленных джинсах закатывал свой здоровенный «мото-газзи» с мостовой на тротуар, ко въезду в квартал Роузбери-Сквер. При виде парня, толкающего мотоцикл, Грэм сделался мрачнее тучи, однако тут же устыдился собственной глупости и покачал головой. Байкер ничем не напоминал Стока, к тому же мотоцикл был совершенно другой марки: Сток ездил на большом черном БМВ, да и вообще, дурные предчувствия — это полная ерунда. Сток был уже в прошлом; утренний телефонный разговор с Сэрой окончательно укрепил Грэма в этом мнении.

Вздохнув полной грудью, он расправил плечи и перехватил черную папку другой рукой. Какое синее небо! Какой изумительный день! Все вокруг переполняло его радостным волнением, абсолютно все: солнечная июньская погода, запахи дешевой закусочной и выхлопных газов, щебет птиц, голоса прохожих. Да, сегодня его явно ждала удача, в такой день *ничто* не могло сорваться; прямо хоть иди к букмекеру и делай ставку на любую лошадь, раз так все складывается, так все здорово, все одно к одному.

Мистер Смит

Уволен!

Губы сжаты, кулаки стиснуты, глаза прищурены, спина прямая, живот втянут, грудь вперед — Стивен Граут шагал прочь из дорожного управления, где только что получил расчет; он уходил все дальше от этих мерзких людишек и бессмысленной работы. Поравнявшись с легковым автомобилем, стоящим у тротуара, он остановился, набрал побольше воздуха — и продолжил путь. Не важно, какое название носит эта улица, — они только и ждут случая, чтобы ее переименовать. Мимо пронеслись пикапы и автобусы, фургоны и самосвалы, а он прикидывал, сколько еще идти до следующего припаркованного автомобиля, за которым можно переждать атаку.

Тротуар мостили не раз и не два, поэтому совсем не просто было передвигаться таким образом, чтобы при каждом шаге середина стопы попадала точно на стык между плитами, но он сосредоточился и приноровился, а вскоре на пути, там, где недавно меняли трубу, возникла длинная сизовато-серая полоса асфальта, и он направился прямо по ней, благо там не требовалось следить ни за какими плитами и стыками.

В результате обстрела из Микроволновой Пушки его то и дело прошибал липкий пот. Но мыслями он снова и снова возвращался к мучениям, которые претерпел в кабинете мистера Смита.

Конечно, он знал, что против него будет использована Микроволновая Пушка; это происходило всякий раз, когда он пытался постоять за себя, когда особенно нуждался в поддержке, когда шел устраиваться на работу или слышал простейшие вопросы социальных работников, а то и почтальонов. В такие минуты на него и наводили прицел. Случалось, его обстреливали даже в баре или у светофора, но чаще всего это происходило в присутственных местах. В кабинете мистера Смита он почувствовал знакомые симптомы.

Ладони вспотели, лоб покрылся испариной и нещадно зудел, все тело бил озноб, голос дрожал, сердце учащенно билось: его буквально поджаривали Микроволновой Пушкой, обрушивали смертоносные потоки радиации, перегрели тело до такой степени, что пот уже стекал ручьями по спине; он стал похож на перепуганного школяра.

Негодяи! Конечно, ему ни разу не удалось засечь эту Пушку; они были умны, столь же умны, сколь изворотливы. Раньше он кидался в соседние комнаты, бежал на лестничные площадки верхних и нижних этажей, высовывался из окна, чтобы увидеть зависший вертолет,— и все без толку, однако ему было доподлинно известно, что они где-то поблизости, и он прекрасно знал, что они затевают.

Так вот, его привели к начальнику Управления дорожно-ремонтной службы муниципального округа Айлингтон, на Севен-Систерс-роуд; едва не упираясь головой в потолок, он стоял посреди кабинета, расположенного на втором этаже, обливался потом и не понимал, почему они не могут просто взять и уволить его без лишних слов, почему он должен выслушивать, как его распекают, и от этого у него защипало в глазах, а в ноздри ударил запах собственного пота.

— ...все надеялись, что такое больше не повторится, Стив,— бубнил мистер Смит, не выходя из-за узко-

го письменного стола,— и вы сумеете упрочить свое положение в коллективе, установив рабочие отношения позитивного свойства с остальными членами дорожно-ремонтной бригады, которые, надо отдать им должное, и вы, я полагаю, не станете с этим спорить, сделали все от них зависящее, с тем чтобы... э-э-э...

Мистер Смит, мужчина лет сорока с пухлыми мешками под глазами, навис над завалами бумаг и разглядывал ручку-маркер, которую крутил в пальцах. Стивен, наблюдавший за траекторией маркера, на мгновение застыл как околдованный.

— Я искренне считаю... э-э... Стив — да, кстати, смело можете меня перебить, если захотите что-нибудь сказать,— у нас тут не Звездная палата. Я хочу, чтобы вы участвовали в этой беседе на равных, если у вас есть ощущение, что ваше активное участие поможет нам... э-э... найти...

Что-что? Он не ослышался? Какая еще Звездная Палата? К чему бы это? Как это понимать? Название совершенно из другого времени, из других обстоятельств, из другой цивилизации, если угодно. Неужели мистер Смит — рыцарь Ордена Мучителей? Или еще выше рангом?

Боже! Эти злодеи со своей Пушкой снова тут как тут! Пот выступил на лбу и пропитал брови. Скоро струйка потечет по носу, и что тогда? Они решат, что он плачет! Невыносимо! Почему бы им попросту не вышвырнуть его за дверь? Вне сомнения, так и было задумано, все спланировано заранее, так зачем тянуть?

— ...найти выход из сложившегося тупикового положения, причем самым оптимальным путем, с тем чтобы способствовать повышению эффективности трудовой деятельности в подразделениях нашего управления. Думаю, вы согласитесь, что я не требую ничего сверхъестественного, Стив; мы привыкли считать, что рабочие с пониманием относятся...

Стивен стоял строго по стойке «смирно» в самом центре кабинета, правой рукой крепко прижимая к себе каску. Боковым зрением он видел Дэна Эштона — бригадира дорожников и профсоюзного деятеля. Эштон стоял у входа, привалившись к дверному косяку и сложив на груди мощные бронзовые ручки. В свои пятьдесят или около того он был самым старшим в их бригаде, но мог дать сто очков вперед любому из подчиненных; на его лице блуждала неприязненная ухмылка, кепка была сдвинута на затылок, а с нижней губы свисала замусоленная притушенная самокрутка. Граут чувствовал ее тошнотворный запах даже сквозь аромат одеколона «Арамис», распространяемый мистером Смитом.

Эштон не отличался дружелюбием. Как и все остальные, даже те немногие, кто не позволял себе прямого злопахательства, насмешек и дурацких приколов.

— ...с тем чтобы создать вам благоприятные условия, но ситуация, к сожалению, такова, что случившийся у канала инцидент с кошкой переполнил чашу терпения... э-э... Стив. Как сообщил мне присутствующий здесь мистер Эштон, — Смит кивком указал на бригадира, который поджал губы и кивнул в ответ, — мистер... э-э... — Смит порывлся в бумагах, — да, вот, мистер Партридж попал в больницу, где врачи вынуждены были ввести ему противостолбнячную сыворотку и наложить швы вследствие того, что вы нанесли ему травму лопатой. Мы надеемся, он не станет требовать судебного разбирательства, однако вы должны отдавать себе отчет в том, что в противном случае вам будет предъявлено обвинение в нанесении телесных повреждений, а поскольку вы уже не раз получали выговор как в устной, так и в письменной форме, причем, должен подчеркнуть, Стив, — мистер Смит откинулся на спинку стула и, тяжело вздыхая, еще раз порывлся в бумагах, — все это произошло за весьма короткий промежуток времени, в течение ко-

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	59
Часть третья	123
Часть четвертая	193
Часть пятая	249
Часть шестая	317
Примечания	323